

СВЕТЛЫЙ ЮМОР КОМЕДИИ • НОВОЕ

УЛЬЯНОВ-АКТЕР И РЕЖИССЕР •

— Я играю комедийные роли, потому что у меня хриплый голос,— сказал Папанов.

Вот так с места в карьер началась наша беседа.

— Я хрипло, у других круглое лицо или смешной широкий нос, у третьих еще какой-нибудь недостаток, вот и обречены мы всю жизнь смешить.

— Вы говорите так, словно не любите комедийных ролей.

— Нет, отчего же, очень люблю. Но драматические роли люблю больше. Они мне ближе. Я люблю работать над серьезной, многогранной, глубокой ролью. Мне кажется, чтобы стать хорошим драматическим актером, надо голодать, холодать, побывать под пулями — в общем, хлебнуть горя. А потом вложить частичку всего пережитого в человека, которого играешь.

— Поскольку ваши комедийные персонажи чаще бывают отрицательными, в них, наверное, трудно вложить частичку себя?

— А комедийные роли во всех отношениях труднее. Я взял сразу несколько шутильвый тон, но не по-

Смешным мне его и не пришлось делать. Он и в жизни был смешон. Что же касается бесцветных характеров, то актер может их расцветить. Вот, скажем, я читаю пьесу. Там сказано, что в кабинет начальника входит посетитель. И тут начинается рабобать фантазия. Как одет посетитель, как причесан, носит ли он усы? А может быть, он давно не ел? Тогда у него будет уже другое выражение лица.

Передо мной уже нет артиста Папанова. Есть незнакомый посетитель с этим «другим выражением лица». Я раньше не задумывалась над тем, какое выражение лица бывает у голодного человека, который пришел на прием к начальнику. Но сейчас я не сомневаюсь, что это выражение бывает именно таким, какое приняло лицо Папанова.

— А может быть, он плохо воспитан и на ходу закусывает?

И вот уже передо мной человек, который с хрустом засовывает в рот огурец.

— А может быть, начальник — женщина и посетитель в нее влюблен?

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Анатолий Папанов

думайте, что я пренебрежительно отношусь к комедии и к работе комика. Величайшим актером я считаю Чаплина. Но таких, как Чаплин, немного. Гораздо больше актеров, которые делают ставку только на свои внешние данные. Я за то, чтобы в любой роли актер проник в жизнь человеческого духа, а не ослеплял зрителя разными внешними приемами. Ну, а если уж говорить о том, какие роли труднее, то трагикомические роли труднее любых других.

— Если я не ошибаюсь, вы в таком ключе и сыграли вашу последнюю театральную роль — Городничего в «Ревизоре»?

— В общем, да, но Городничий для меня даже более трагический образ, чем комический. Конечно он — комедийный персонаж, над ним смеются и автор, и зрители, но ведь он переживает настоящую человеческую трагедию. В самом деле, какой-то маленький чиновник сделал его посмешищем всего города, к тому же ему предстоит расстаться со своим постом.

— Кто-то говорил: «Анекдот для того, кому рассказывают,— комедия, а для того, о ком рассказывают,— трагедия». Какое положение занимает в этой ситуации актер?

— Вот актер-то, наверное, и может превратить эту ситуацию в трагикомическую, особенно если смеется злой, обличающий, если автор не просто смеется, но и издевается. В моем представлении Городничий — волк, затравленный волк, и как актер я постарался влезть в его шкуру. А вы ведь знаете, я большо-о-ой специалист по волку,— улыбается Папанов.

Накануне спектакль «Ревизор» игрался перед зрителем в первый раз, и мне интересно, как чувствует себя актер после первого показа своей работы.

— Как после разведки. Вряд премьеры — это разведка. И приятно, и досадно, что не все получилось так, как хотелось бы. Но что-либо определенное можно сказать лишь к двадцатому спектаклю. Всякий спектакль можно сравнить с автомобилем, у которого ограничитель снимается после того, как пройдено 1.500 километров.

— Сколько премьер было в вашей жизни?

— Точно не знаю. Пожалуй, больше сотни. Ведь тридцать лет в театре.

— Еще Станиславский говорил, что актер должен всю жизнь наблюдать и изучать жизнь. Наверное, характерный актер должен наиболее настойчиво подмечать особенности поведения людей?

— Да, и особенно если это не просто характерный актер, а актер-комик. Вообще у актера особый глаз, даже особые мышцы, как у спортсмена. Актер в любой момент готов что-то интересное схватить, перенять, запомнить — и зрительно, и эмоционально. Это становится действием автоматическим, даже не надо настраивать себя на волну наблюдения. Отправляясь на футбол, не нужно говорить себе: «Сегодня я буду искать на трибунах типаж для будущего фильма». Просто, выработав привычку наблюдать, я невольно буду подмечать все увиденное.

Для исполнения комедийных ролей необходимо очень точно выверить все детали. Деталь решает судьбу характера. Вот, например, мне надо сыграть застенчивого человека. Как это показать? А, оказывается, можно только приподнять бровь — вот так.

Лицо актера уже играет — оно стало одновременно застенчивым и забавным.

— В фильме «Порожний рейс» вы сыграли нудного, бесцветного человека. А он запоминается. Наверное, это было бы невозможно, если бы вы не вложили в эту роль ваших личных наблюдений?

— Между прочим, это одна из любимых моих работ. И когда я взялся за эту роль, у меня всплыли не только отдельные впечатления — вспомнился конкретный человек. В молодости я работал на дровяном складе, и начальник мой был страшный демагог. Вспомнилось, как весело он говорил, как смотрел в лицо собеседнику, как держал голову.

Новый кадр — на лице человека глуповатое смущение.

Стоп, игра кончилась — Папанов опять становится самим собой.

— Такое домысливание невозможно было бы без арсенала средств, в основе которых наблюдение и накопление деталей. Неизвестно, в какой роли они пригодятся, но они всегда должны быть под рукой. Беден тот актер, который не наполнен деталями. В этом отношении актера можно сравнить с сапожником. Неизвестно, какие сапоги он будет тащить, но все необходимое всегда должно быть наготове. Вообще хороший мастер ценится по количеству и состоянию инструмента. Я как-то пригласил водопроводчика, а у него сверло не заточено, дюймового ключа нет. Что это за мастер? Он и не смог ничего починить.

— Богаты ли ваши наблюдения юмором? Ведь жизнь специально не предлагает смешные ситуации, приходится их искать.

— Ну, смешное найти всегда можно. Да хоть возьмите этот случай с водопроводчиком. Сначала подобная ситуация вызывает раздражение. Еще бы, у меня в квартире кран не работает! Конечно, мне не весело. Или в учреждении оказался вдруг чинуша. Это тоже вызывает раздражение. А потом вспоминаешь, переосмысливаешь все — и становишься смешно! Да подобное переосмысление знакомо любому человеку, если у него есть чувство юмора. Кстати, комику не обязательно самому бывать в смешных ситуациях, надо уметь их видеть. А смешного вокруг много. На птичьем рынке были? В Одессе были?

Исчезает маленькая гримерная, где мы разговариваем. Исчезает Папанов. Каскад превращений.

— Вас больше привлекает работа в кино или в театре?

— В театре. Хотя и у кино немало преимуществ. В кино больше ответственности — знаешь, что уже никогда не вернешься к сыгранной роли, и выкладываешься полностью. Потом в кино обязателен типаж. В кино я бы ни за что не сыграл, скажем, Короля Лира, а в театре мог бы сыграть.

— Ваша любимая роль?

— Отец в фильме «Наш дом». По сути дела я сыграл реально существовавшего человека. Это отец моего приятеля — слесаря дядя Миша. Добрый, мудрый рабочий человек. Люблю роль в фильме «Берегись автомобиля». Там я сыграл тоже отца, но совсем другого человека. У него тоже был реальный прототип. Очень люблю Серпилина. А в театре мои любимые роли — Сысоев в спектакле «У времени в плену», Боксер в «Дамовом мече».

— Ваши любимые фильмы?

— На всю жизнь фильм полюбить трудно. То, что когда-то трогало, сейчас вызывает смех, многое кажется наивным. Только один фильм всегда одинаково волнует меня. Это «Чапаев». А лучшей комедией я считаю «Пес Барбос и необычный кросс».

— Кстати, как вы относитесь к работе в мультипликационном кино?

— Это необходимо для актера. Озвучивание мультфильмов помогает овладеть речевой характеристикой. Это выявляет характер. Я ведь играл и Змея Горыныча, и Обиженного Котенка, и Старую Муху, и Дверную Ручку. Просто кладешь для актера.

Когда Папанов перечисляет своих рисованных персонажей, голос его каждый раз звучит по-новому.

— Анатолий Дмитриевич, даже самые отрицательные ваши персонажи чем-то симпатичны. Чем это объяснить?

— Я считаю, что юмор должен быть добрым. По-моему, добра в человеке больше, чем зла, и надо выявлять доброе. Не люблю едкий, саркастичский смех, он всегда мрачен. Светлый юмор мне ближе. А вообще я смеюсь над всем, что смешно.

Папанов смотрит на часы и спохватывается:

— Горю! У меня концерт, а я очень переживаю, когда опаздываю.

— Одну секунду, остался традиционный вопрос — ваши планы?

— Хочу сыграть какого-нибудь чеховского героя. Чехов — мой любимый писатель.

Е. БЕЛОСТОЦКАЯ.